

нему с постановлением органа расследования о направлении дела в суд для применения принудительных мер медицинского характера, вправе, при наличии оснований, прекратить его производство. Поскольку производство по такого рода делам есть одна из форм уголовного преследования, можно констатировать противоречивое решение законодателем вопроса о субъектах прекращения уголовного дела на этапе досудебного производства.

Подведем итоги: ФЗ 404 от 28 декабря 2010 г. сделал заметные шаги на пути укрепления нормативной базы осуществляемой прокурором функции уголовного преследования. Но теоретически обоснованный взгляд на содержание и средства обеспечения этой функции требует от законодателя дальнейших шагов в этом направлении.

*С.В. Юношев**

ПРОБЛЕМА ГОСУДАРСТВЕННЫХ КОМПЕНСАЦИЙ ЖЕРТВАМ ПРЕСТУПЛЕНИЙ СДВИНУЛАСЬ С МЕРТВОЙ ТОЧКИ

Проблема выплаты государственных компенсаций жертвам преступлений в последние годы привлекала все более пристальное внимание юридической общественности¹. Мы также неоднократно обращались к различным аспектам данной проблемы². В самом общем виде наши рассуждения сводились к следующему.

Положения ст. 52 Конституции России, провозглашающие, что «государство обеспечивает потерпевшим... компенсацию причиненного ущерба», на сегодняшний день выступают не более чем декларацией, поскольку не подкреплены какими-либо нормами отраслевого законодательства. В России пока отсутствует механизм подобных компенсаций (в отличие от многих зарубежных стран, в том числе и тех, которые трудно отнести к числу развитых³), не выделяются средства на эти цели в государственном бюджете, не созданы как альтернатива государственному финансированию этих расходов общественные фонды, доказавшие свою эффективность во многих странах мира⁴.

* © Юношев С.В., 2012

Юношев Станислав Викторович — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского государственного университета

Пострадавший от преступления в такой ситуации зачастую остается один на один со своей проблемой. Потерпевшему в настоящее время по сути доступен единственный законный способ возмещения ущерба (помимо, разумеется, добровольного возмещения вреда со стороны его причинителя) – предъявление гражданского иска к виновному либо ответственному за возмещение ущерба лицу (реституция). Между тем данный механизм возмещения вреда во многих случаях является заведомо неэффективным. Действительно, как можно вообще говорить о возмещении ущерба потерпевшему, например, при неустановлении следственными органами лиц, виновных в совершении преступления? И даже если такие лица будут установлены и гражданский иск к ним будет удовлетворен судом, надежда на реальное возмещение вреда достаточно призрачна, ведь известно, что показатель реального исполнения судебных решений в этой части в России составляет менее 21 %⁵. На остроту данной проблемы и негативные последствия такого положения вещей постоянно обращается внимание в литературе⁶.

Рассматриваемая проблема нами также увязывалась с невыполнением Россией принятых на себя в этой части международных обязательств.

Как известно, 24 ноября 1983 г. была принята Европейская конвенция по возмещению ущерба жертвам насильственных преступлений⁷. В данной Конвенции впервые на международном уровне были закреплены цели, принципы и основания государственной компенсации, обозначены источники финансирования, определялись виды ущерба, подлежащего компенсации, и круг лиц, имеющих на нее право.

В преамбуле Конвенции подчеркивается, что возмещение государством ущерба жертвам преступлений исходит из понятий справедливости и общественной солидарности, причем такая система должна внедряться прежде всего тогда, когда преступник неизвестен или не имеет средств для возмещения причиненного им ущерба.

В соответствии со ст. 2 Конвенции если возмещение ущерба не может быть обеспечено из других источников, государство должно взять на себя эту обязанность в двух основных случаях: 1) когда в результате умышленных насильственных преступлений был нанесен серьезный ущерб физическому состоянию или здоровью и 2) в отношении тех лиц, которые находились на иждивении погибших в результате такого преступления.

Особо оговаривается, что государство обязано принять на себя обязанность по выплате соответствующей компенсации в указанных выше случаях, даже если преступник не может быть подвергнут судебному преследованию или наказанию.

Данная Конвенция вступила в силу 1 февраля 1988 г., и на сегодняшний день к ней присоединилось 21 государство — член Совета Европы.

С сожалением приходится констатировать, что Россия не является участником этой Конвенции. Она не только не ратифицировала Конвенцию, но даже до сих пор не подписала ее, что само по себе грубое нарушение международных обязательств России. Дело в том, что в соответствии с заключением № 193 (1996) по заявке России на вступление в Совет Европы, принятым Парламентской ассамблеей Совета Европы 25 января 1996 года⁸, Россия приняла на себя, помимо прочих, следующие обязательства: подписать и ратифицировать конвенции Совета Европы и с момента их вступления соблюдать основополагающие принципы, закрепленные в конвенциях; продолжить проведение правовой реформы с тем, чтобы привести свое национальное законодательство в соответствие с принципами и стандартами Совета Европы. Ничего во исполнение принятых на себя обязательств в рассматриваемой части Россией за последовавшие за этим 15 лет сделано не было.

Нельзя обойти вниманием и принятую 29 ноября 1985 г. Генеральной Ассамблеей ООН Декларацию основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью⁹.

В пункте 4 данной Декларации получило закрепление общее правило, в соответствии с которым жертвы преступлений имеют право на скорейшую компенсацию за нанесенный им ущерб в соответствии с национальным законодательством.

Помимо этого, в Декларации (п. 5) определено, что в тех случаях, когда это необходимо, государствам следует создавать и укреплять механизмы, обеспечивающие жертвам возможность получать компенсацию с помощью официальных или неофициальных процедур, которые должны носить оперативный, справедливый, недорогостоящий и доступный характер.

Далее в Декларации проводится разграничение реституции и компенсации как по основаниям их применения, так и по видам ущерба, подлежащим возмещению в том и другом случае.

Реституция, то есть возмещение причиненного преступлением ущерба правонарушителями или третьими лицами, несущими ответственность за их поведение, должна включать в себя возврат

собственности или выплату за причиненный вред или ущерб, возмещение расходов, понесенных в результате виктимизации, предоставление услуг, восстановление в правах (п. 8). Таким образом, реституция в рамках Декларации выступает как полное возмещение вреда, причиненного правонарушением.

Совсем иное — компенсация. В соответствии с п. 12 Декларации государствам следует предоставлять финансовые компенсации жертвам преступлений в том случае, когда компенсацию невозможно получить в полном объеме от правонарушителя (реституция) или из других источников (речь идет, например, о социальном страховании, пенсионном обеспечении и т. п.).

Более того, согласно положениям Декларации, правительства должны осуществлять выплату компенсаций: 1) жертвам, которые в результате тяжких преступлений получили значительные телесные повреждения или существенно подорвали свое физическое или психическое здоровье; 2) семьям, в частности иждивенцам лиц, которые умерли или стали физически или психически недееспособными в результате такой виктимизации.

Таким образом, очевидно, что государственные компенсации жертвам преступлений здесь, равно как и в Европейской конвенции по возмещению ущерба жертвам преступлений 1983 г., рассматриваются как некий дополняющий, субсидиарный и весьма ограниченный по своим основаниям механизм, к которому могут обратиться лишь отдельные категории жертв преступлений, если не срабатывают все иные механизмы возмещения им вреда.

Между тем исходя из анализа положений ст. 52 Конституции РФ нами обосновывалась точка зрения, что «конституционное положение “государство обеспечивает потерпевшим... компенсацию причиненного ущерба” невозможно рассматривать иначе, как возложение государством на себя социальной обязанности по возмещению потерпевшим причиненного им ущерба в каждом конкретном случае, независимо от каких бы то ни было сопутствующих условий (результатов расследования, платежеспособности виновного, активности самого потерпевшего и так далее и тому подобное), а если в силу тех или иных причин такое возмещение оказывается невозможным за счет виновного лица, государство обязано в силу названного конституционного требования при определенных условиях принять такое возмещение на себя или, исходя из зарубежного опыта, обеспечить его за счет средств, создаваемых самим государством, или при его поддержке специальных фондов»¹⁰.

И вот наконец-то пришла долгожданная новость — рассматриваемая проблема выходит-таки на государственный уровень.

Как следует из публикаций в средствах массовой информации¹¹, Следственный комитет РФ совместно с членами Общественной палаты РФ разработали проект ФЗ «О потерпевших от преступлений».

Отметим, что предмет данного законопроекта гораздо более широкий, нежели только компенсации жертвам преступлений. Так, например, значительное внимание в проекте уделяется дополнительным процессуальным гарантиям и особенностям защиты прав и законных интересов несовершеннолетних потерпевших.

И однако же главной новеллой законопроекта невозможно не признать введение института компенсаций жертвам преступлений за счет государства.

Декларируется, что это предложение будет способствовать практической реализации положений Конституции РФ о защите прав и свобод как человека и гражданина в целом, так и потерпевших в частности.

Основные положения законопроекта состоят в том, что компенсации жертвам преступлений будет выплачивать именно государство, а затем оно уже в порядке регресса будет взыскивать затраченные на компенсацию средства с осужденного, когда это будет возможно. Таким образом, предполагается, что жертвам преступлений более не придется дожидаться, когда у виновного появится возможность возместить причиненный им ущерб.

Здесь сразу обращает на себя внимание, что авторы законопроекта рассматривают государственные компенсации жертвам преступлений как общий механизм возмещения причиненного преступлением вреда во всех без исключения случаях. По крайней мере, никаких условий, ограничивающих право на получение государственной компенсации или ее размер, в проекте не содержится. Такой подход, несмотря на кажущуюся демократичность, ставит целый ряд непростых вопросов, без ответа на которые рассчитывать на создание эффективного механизма государственных компенсаций не приходится. Не случайно при обсуждении данного законопроекта в различных интернет-сообществах он, как правило, характеризуется как популистский¹².

Действительно, не говоря уже о том, что предложения законопроекта далеко выходят за рамки рекомендаций, содержащихся в приведенных выше международных актах, они не соответствуют и сложившейся практике развитых зарубежных стран, ни одна из

которых не смогла позволить себе столь масштабные финансовые затраты.

Тем меньше оснований полагать, что такие значительные финансовые возможности имеются у России.

Небезынтересно в этой связи обратиться к опыту признанного международного лидера в части государственных компенсаций жертвам преступлений — Соединенным Штатам Америки.

В соответствии с законодательством подавляющего большинства штатов право на компенсацию имеют жертвы (в некоторых случаях их родственники) насильственных преступлений. Выплачиваемая государством компенсация, как правило, покрывает расходы на медицинскую помощь, расходы на похороны, а также включает материальную помощь членам семьи умершего кормильца. Таким образом, общим правилом в США является возмещение государством лишь физического ущерба, причиненного насильственным преступлением. Остальные виды ущерба государством не возмещаются, однако разветвленная система обязательного страхования в значительной мере обеспечивает иные компенсационные выплаты пострадавшим¹³. И только несколько штатов (Нью-Йорк, Мэриленд и Калифорния) наряду с этим предусматривают выплату компенсации за ущерб, причиненный собственности потерпевшего (как правило, это возмещение расходов на приобретение лишь предметов первой необходимости)¹⁴. Максимальная сумма выплачиваемой государством компенсации в большинстве штатов находится в пределах 10 000—15 000 долларов¹⁵.

В целом обобщение опыта зарубежных стран, внедривших и достаточно успешно использующих практику государственных компенсаций жертвам преступлений, приводит к следующему общему выводу: возможности государственной компенсационной помощи жертвам преступлений даже в развитых странах весьма ограничены; в большинстве стран положения о компенсациях распространяются лишь на ограниченные виды преступлений, как правило, исчерпывающим образом поименованные в законе; равным образом устанавливается, что выплаты производятся только тогда, когда возмещение причиненного преступлением ущерба не обеспечено из других источников (например, за счет страховых и иных программ, виновным лицом в порядке реституции и т. п.).

Все сказанное свидетельствует о том, что при принятии предлагаемого законопроекта законодателю следует хорошо взвесить возможности бюджета, сопоставив их с прогнозируемыми затратами на реализацию данного закона с тем, чтобы принятие столь

ожидаемых законоположений не привело в очередной раз к ситуации необеспеченности прописанных в законе деклараций необходимым материальным содержанием.

Мы считаем, что гораздо эффективнее и честнее было бы внедрение данного механизма для начала в достаточно ограниченных пределах (например, как показано выше, только при причинении вреда в результате насильственных преступлений), а в дальнейшем после необходимой апробации и мониторинга складывающейся ситуации основания для государственных компенсаций жертвам преступлений могли бы быть существенно расширены.

Как уже указывалось, авторы законопроекта исходят из того, что компенсации жертвам преступлений будет выплачивать именно государство, а затем оно будет взыскивать затраченные средства с осужденного в порядке регресса. Такой порядок действительно применяется в некоторых европейских странах, например во Франции и Нидерландах. Во Франции Законом от 3 января 1977 г. в УПК Франции был введен новый раздел (ст. 706-3—706-13), регламентирующий выплаты потерпевшим компенсации от преступления. Потерпевшие получили право на компенсацию причиненного им преступлением ущерба от государства до того момента, когда преступник предстанет перед судом. А в дальнейшем уже само государство в регрессном порядке взыскивает с осужденного все затраты по выплате ущерба потерпевшему. В европейской практике такой порядок возмещения ущерба жертвам преступлений именуется институтом суброгации. Так, ст. 131-24 УК Франции гласит: «Государство отвечает за весь ущерб или его часть, причиненный осужденным другому лицу и прямо следующий из исполнения приговора, предписывающего выполнение работы в общественных интересах. К государству переходят в порядке суброгации права лица, которому причинен ущерб»¹⁶

Очевидно, что именно порядок суброгации в наибольшей степени отвечает чаяниям жертв преступлений. Но и здесь не помешает известная осторожность. Внедрение института суброгации в российскую правовую действительность повлечет за собой весьма значительные издержки федерального бюджета, поскольку перспективы последующего взыскания уже выплаченных потерпевшим средств с осужденных, как уже неоднократно отмечалось, во многих случаях весьма призрачны. Как нам представляется, и в этом случае оптимальной будет политика «малых шагов». Для начала, по-видимому, можно было бы ограничиться предоставлением государственных компенсаций лишь в тех случаях, когда возме-

ние причиненного преступлением ущерба не обеспечено из других источников (например, за счет страховых и иных программ, виновным лицом в порядке реституции и т. п.), а уже в дальнейшем расширять практику предоставления государственных компенсаций и в иных случаях.

Авторы законопроекта для осуществления выплат потерпевшим предлагают учреждение Национального компенсационного фонда под непосредственным управлением Правительства РФ. Финансирование данного фонда предполагается осуществлять за счет конфискованных денежных средств, полученных преступным путем, взимаемых штрафов, реализации арестованного имущества должников.

В части источников финансирования будущего фонда предложения законопроекта заслуживают всяческой поддержки. Совершенно очевидно, что его разработчики в данном случае опираются на многолетний положительный опыт ряда зарубежных стран. За основу же ими взята американская модель финансирования подобных фондов.

В США Федеральный фонд помощи жертвам преступлений создан на основании Закона 1984 г. И с самого начала этот Федеральный фонд (равно как и аналогичные фонды на уровне штатов) аккумулирует финансовые средства не за счет взимаемых государством налогов, а из общей суммы назначаемых в виде наказаний штрафов, залогов, различных пошлин, сборов и судебных издержек, оплачиваемых правонарушителями. Все эти немалые средства поступают не в бюджет, как у нас до сих пор, а на счета названного Федерального фонда, что представляется и более оправданным, и отвечающим идее социальной справедливости.

Тем не менее в мире отработаны и иные модели финансирования подобных фондов. Помимо средств, получаемые от штрафов, залогов, конфискации имущества преступников и т. п. (США), источниками формирования компенсационных фондов служат либо специальные государственные ассигнования (например, в Италии, Японии), либо налоговые поступления (Франция). Помимо налогов во Франции средства компенсационного фонда пополняются также за счет ежемесячных процентных отчислений, выплачиваемых страховыми обществами с суммы взносов по договорам страхования имущества. Сумма, подлежащая отчислению, устанавливается ежегодно министром экономики и финансов¹⁷. Кроме того, фонд пополняется и за счет общественных пожертвований, как это происходит и в большинстве иных стран.

У нас для финансирования Национального компенсационного фонда предлагается использовать смешанное финансирование. Один из инициаторов законопроекта — председатель Следственного комитета РФ Александр Бастрыкин — прямо признает, что, помимо указанных выше средств от конфискации, штрафов и т. п., потребуются серьезные вливания из федерального бюджета¹⁸.

Одним из наиболее серьезных недостатков представленного законопроекта следует признать отсутствие в нем какого-либо предлагаемого авторами механизма принятия решения о выплате государственных компенсаций жертвам преступлений. Без разработки такого механизма закон, даже если он будет принят, останется нереализуемым. Или опять все будет отдано на откуп чиновникам, принимающим удобные им, а не гражданам, ведомственные подзаконные акты, что применительно к вопросу такой социальной значимости, конечно же, недопустимо. Именно закон должен установить четкий и понятный механизм предоставления государственных компенсаций.

В качестве еще одного пробела законопроекта следует отметить, что в нем речь идет о возмещении государством исключительно имущественного вреда, о компенсации же за счет государства причиненного преступлением морального вреда ничего не говорится. Между тем очевидно, что по многим преступлениям, в том числе насильственным, имущественный ущерб не идет ни в какое сравнение с причиняемыми при этом моральными страданиями.

Все сказанное свидетельствует о том, что, несмотря на свою актуальность, предложенный законопроект даже в своих основах еще весьма и весьма далек от того, чтобы стать законом. Поэтому не случайно все настойчивее звучат предложения вынести данный законопроект на общественное обсуждение, как это было сделано с проектом закона «О полиции», поскольку он также «охватывает огромный круг лиц»¹⁹.

Тем не менее, несмотря на критику законопроекта по существу, нельзя не поблагодарить его разработчиков уже за сам факт его появления, за то, что проблема государственных компенсаций жертвам преступлений вышла за рамки сугубо академических рассуждений и перешла, надо надеяться окончательно, в практическую плоскость.

Примечания

¹ См., например: Лупинская П.А. Заключительное слово на Международной научно-практической конференции, посвященной 5-летию принятия УПК РФ // Материалы международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории, законодательства, практики применения» (к 5-летию УПК РФ). М., 2007. С. 619, 625; Лазарева В.А. Проблемы доказывания в современном уголовном процессе России. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2007. С. 74; Володина Л.М. Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика. М., 2006. С. 167, 253; Багаутдинов Ф.К. Обеспечение имущественных прав личности при расследовании преступлений. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2002. С. 111–115 и мн. др.

² См., например: Юношев С.В. Проблема обеспечения прав потерпевших ждет своего решения // Российская юстиция. 2008. № 1. С. 63–66; Его же. Международные нормы в части возмещения государством вреда, причиненного преступлением // Актуальные проблемы уголовного процесса России: межвуз. сб. науч. ст. / под ред. проф. В.А. Лазаревой. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2009. Вып. 4. С. 40–51.

³ См.: Юношев С.В. Государственные компенсации жертвам преступлений в практике зарубежных стран // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвуз. сб. науч. ст. / под ред. проф. В.А. Лазаревой. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2008. Вып. 3. С. 64–74.

⁴ Там же.

⁵ См.: Грицай О.В. Исполнение приговоров в части имущественных взысканий: процессуальная сущность, основания и порядок: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Грицай Ольга Валентиновна. Самара, 2007. С. 4.

⁶ См., например: Леви А.А. Потерпевший в уголовном процессе: концепт лекций. М.: РУДН, 2007. С. 125.

⁷ См.: Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М.: СПАРК, 1998. С. 81–85.

⁸ Там же. С. 23–26.

⁹ См.: Права человека и судопроизводство: собрание международных документов. Вена, 1997. С. 229–233.

¹⁰ См.: Юношев С.В. Государственные компенсации жертвам преступлений – декларация или конституционная гарантия? // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвуз. сб. науч. ст. / под ред. проф. В.А. Лазаревой. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2010. Вып. 5. С. 73.

¹¹ См., например: Козлова Н. Касса открыта для жертв: Александр Баstryкин предложил создать особый фонд для помощи потерпевшим от преступников // Российская газета. 2010. 7 декабря. С. 9.

¹² См., например: URL: <http://www.gazeta.ru/social/2010/10/29/3432558.shtml>.

¹³ См.: Власов А. Возмещение вреда жертвам преступлений // Законность. 2000. № 2. С. 28.

¹⁴ См.: Квашиш В. Поможем жертвам преступлений // Российская юстиция. 1994 № 4. С. 49; Леви А.А. Потерпевший в уголовном процессе: конспект лекций. М.: РУДН, 2007. С. 160.

¹⁵ См.: Зайцев О.А. Государственная защита участников уголовного процесса. М.: Экзамен, 2001. С. 163.

¹⁶ См.: Уголовный кодекс Франции. СПб., 2002. С. 97.

¹⁷ См.: Владимирова В.В., Вавилова Л. Компенсация морального вреда – мера реабилитации потерпевшего в российском уголовном процессе. М.: Волтерс Клувер, 2007. С. 30.

¹⁸ См.: Козлова Н. Указ. соч. С. 9.

¹⁹ См.: URL: <http://www.gazeta.ru/social/2010/10/29/3432558.shtml>.

*А.Ю. Шапошников**

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОВЕРКИ И ОЦЕНКИ ДОСТОВЕРНОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Errare humanum est.

В соответствии с ч. 1 ст. 88 УПК РФ каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела. Судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью, и никакие доказательства не имеют заранее установленной силы. Действующее законодательство содержит четкие критерии оценки доказательств с позиции относимости (ст. 73 УПК) и допустимости (ст. 75 УПК), однако не приводит критериев оценки достоверности доказательств. Отсутствие таких четких критериев, по мнению автора, открывает дорогу следственному и судебному произволу и

* © Шапошников А.Ю., 2012

Шапошников Андрей Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского государственного университета